

ЦЫПЛЁНОК, КОТОРЫЙ НЕ ХОТЕЛ БЫТЬ КУРИЦЕЙ

На большом дворе в начале лета появился чудесный маленький цыплёнок. Клювик у него был красный, лапки розовые, пух жёлтый, а глазки круглые, как бусинки.

Цыплёнок ходил по двору очень довольный собой. Ему нравились его розовые лапки и нежный жёлтый пушок. Время от времени он подбегал к луже и смотрел на своё отражение. «Хороший маленький цыплёнок», – с удовольствием говорил он про себя. Цыплёнок посматривал на других обитателей двора – никто не казался ему таким милым и прелестным, как он сам.

«Кем же мне стать, когда я вырасту большим? – думал про себя цыплёнок. – Индюком? Да ну! Какие-то красные тряпки болтаются у них на клювах. Может быть, гусем?»

Гуси ему нравились больше. Но как они ходят! Переваливаясь с ноги на ногу. А утки – те ещё смешнее.

«Нет, не хочу быть ни гусем, ни уткой, – решил цыплёнок. – Даже собакой не хочу быть». Собаку цыплёнок, конечно, побаивался. Но что она может сделать? Сидит на цепи, бедняга, лает до хрипоты. Но самыми смешными ему казались куры: ходят с глупым видом, вытягивают шею. То замрут, то вдруг захочут на весь двор. Роятся в мусоре. Хлопают своими

куцыми крыльями. А летать-то не умеют. «Вот нелепые создания! – думал про них цыплёнок. – Хорошо, что я – не они и никогда не буду таким». Он даже дразнилку про кур придумал: «Собаки громко лают, а куры не летают!»

«Всё-таки как хорошо быть жёлтеньким красивым цыплёнком. Им я, пожалуй, и останусь», – с гордостью думал про себя цыплёнок.

Но однажды он увидел, как в небе над ним кружила белая голубка. Её хвост трепетал на ветру, как диковинный цветок. Она сделала несколько кругов и опустилась посреди двора.

– Вот кем я хочу стать – голубем! – воскликнул цыплёнок. – Чтобы так же красиво летать над домами, подниматься всё выше и выше под облака. Это мне нравится!

Белая голубка услышала это и почему-то рассмеялась. «Что тут смешного?» – подумал цыплёнок. С тех пор он стал жить в мечтах о том, что когда-нибудь станет прекрасным голубем. Как и все маленькие создания, он был уверен в своём чудесном будущем.

Как-то дразнил он кур своей дразнилкой, тут слетела к нему с крыши белая голубка и сказала:

– А хочешь, малыш, я тебе открою одну приятную тайну?

Цыплёнок заморгал.

– Ты – будущая курица! – произнесла голубка.

Цыплёнок опешил: он – миленький, чудесный цыплёнок – будущая курица?! Это невозможно!

– Вы говорите неправду. Я совсем на них не похож, – сказал наконец цыплёнок, оправившись от изумления.

Голубка рассмеялась:

– Пройдут какие-нибудь два-три месяца, и ты ничем не будешь отличаться от кур.

– А я не хочу быть курицей, – твердо заявил цыплёнок. – Я буду голубем, как ты.

Белая голубка вновь рассмеялась.

– Ты ещё очень мал и не знаешь, что гусята обязательно становятся гусями, щенки – собаками, а цыплята – курицами.

– Не может этого быть! – не поверил цыплёнок. – Я буду тем, кем я захочу, – голубем.

– Глупыш, так не бывает. Ты станешь курицей, потому что ты цыплёнок.

– Но они даже не умеют летать! – выкрикнул цыплёнок.

– Всё верно. Разве ты умеешь летать?

– Я ещё не пробовал.

– Ну так попробуй. Полетай со мной. Давай!

Голубка взмахнула крыльями, поднялась в воздух и сделала несколько кругов над цыплёнком.

Цыплёнок хлопал своими маленькими крылышками, затопотил розовыми лапками, но даже на сантиметр не смог подняться в воздух. Белая голубка села рядом и рассмеялась:

– Ну что? Полетал?

– Я просто ещё маленький и пока не умею летать.

– Хорошо, я прилечу к тебе через месяц-другой – летаем, – пообещала белая голубка и упорхнула на крышу.

Цыплёнок в волнении заходил по двору. Изредка он враждебно поглядывал на кур, копающихся в навозной куче в дальнем углу двора.

«Нет, всё-таки это невозможно, чтобы я стал таким, как бестолковые квохчущие куры, которые даже не умеют летать», – с неприязнью думал цыплёнок. Теперь он, кажется, согласился бы стать кем угодно, даже индюком с красной тряпкой на клюве, но только не курицей, только не курицей!

Цыплёнок начал вспоминать, что куры всегда с большим дружелюбием относились к нему, а некоторые даже называли его «деточкой». Но это до тех пор, пока он не стал их дразнить. Ему вспомнилось, что однажды, когда он дразнил кур, одна из них крикнула ему: «Сам курица, а нас дразнишь, вот бестолковый!». Тогда цыплёнок просто не придавал значения этим словам: чего только ни придумают глупые куры. Но теперь...

Цыплёнок решил проверить свои опасения. Он набрался смелости, подошёл к толстой важной гусыне и спросил:

– Вы не скажете мне, кем становятся, кем становятся... – он замялся, – ...цыплята?

Гусыня с удивлением посмотрела на него.

– Ты до сих пор этого не знаешь, малыш?

– Я знаю... но хочу уточнить.

– Курами, конечно, – хмыкнула гусыня.

– И что, все цыплята становятся курами? – упавшим голосом спросил цыплёнок.

– Все до единого, – уверенно произнесла гусыня. – Не помню, чтобы из цыплёнка получился хотя бы захудалый гусь. Ничем дельным они не становятся.

Цыплёнок всё же не мог до конца поверить в неприятную новость. Он подошёл к утке и спросил как можно небрежнее:

– Скажите, а из кого получают куры?

Утка склонила голову сначала на один бок, потом на другой:

– Из таких цыплят, как ты, желтобокий, – ласково сказала она безо всякой усмешки.

– И все куры раньше были цыплятами? – со слабой надеждой спросил он.

– Вот именно, маленькими жёлтыми цыплятками. Да, – вздохнула она, – я давно заметила, что куры с возрастом сильно дурнеют. Не то что утки. Мы в детстве очень миленькие, а со временем только хорошеем. Но ты не грусти, желтобокий. Может быть, из тебя получится неплохая беленькая курочка. Хотя, конечно... – утка опять вздохнула, – сомнительно.

«Значит, я действительно будущая курица», – понял цыплёнок и сильно загрустил. Выходит, впереди у него ничего интересного и возвышенного: никогда он не сможет взмыть высоко в небо, кружить над крышами, как белая голубка, и тем более летать к дальним лесам и озёрам. Его ждёт низкая участь – он превратится в курицу, будет ковылять по двору, рыться в мусоре и навозе, бестолково квохтать. Он представил себе всю эту картину и решительно пискнул:

– Нет! Нет! Никогда не стану я курицей! Я научусь летать и буду... буду... Не буду курицей!

Маленький цыплёнок решил немедленно научиться летать. Недалеко от палисадника он нашёл невысокий камень и пытался залететь на него. Сначала у него ничего не получалось. Крошечные крылья не поднимали его. День за днём цыплёнок подходил к камню в надежде взлететь на него. И однажды у него это получилось! Через две недели он легко взлетал и слетал с камня.

Потом цыплёнок приметил невысокий пенёк рядом с оградой палисадника. Пень был намного выше камня, и цыплёнок стал брать новую высоту. Так же, день за днём, напрягая все силы, пытался взлететь на пенёк. Прошло немало времени, но цыплёнку всё-таки удалось покорить высокий пень.

– Теперь я буду взлетать на ограду палисадника, – решил цыплёнок.

А ограда была очень высокой. Даже если двадцать маленьких цыплят поставить друг на друга, то и тогда ограда оказалась бы выше них.

К этому времени крылья цыплёнка уже подросли и окрепли. Да и сам он начал меняться. Его нежный жёлтый пух исчез, вместо него появились жёсткие белые пёрышки, лапы вытянулись и загрубели. Стало ясно, что цыплёнок необратимо превращается в курицу. Все эти перемены совсем не радовали цыплёнка, ведь он не хотел быть курицей. Одно только утешало его: крылья стали шире и сильнее, поэтому взлетать на ограду он научился быстро.

Взлететь на ограду – это ещё не летать. Цыплёнок это отлично понимал. Ведь многие взрослые курицы легко взлетали на ограду и слетали с неё.

– Сейчас я научусь взлетать на крышу, – решил цыплёнок, но правильнее было бы теперь называть его маленькой курицей.

Очередная высота покорилась цыплёнку, то есть маленькой курице, не сразу. Ведь ни одна взрослая курица не могла взлететь так высоко. Но маленькая курочка, как и прежде, без устали махала крылышками, штурмуя высокую крышу.

– Странное создание, – судачили про неё обитатели двора.

Некоторые и вовсе смеялись над ней:

– Глупая курочка! Решила небо покорить!

Но особенно негодовали сами куры:

– Какая-то ненормальная курица, – квохтали они. – Порочит весь наш куриный род своими выходками. Ей, видите ли, хочется летать.

Но маленькая курочка не обращала ни на кого внимания и продолжала свои попытки. И однажды она... взлетела на крышу, чего не удавалось ни одной курице во всём курином роду.

– Я на крыше! – ликовала курочка.

– Ты делаешь большие успехи, – сказала ей белая голубка, которая часто проводила время на крыше. – Ну что, полетаем, малышка?

– Полетаем, – ответила та.

– Держись за мной! – Голубка взмыла вверх.

Курочка замахала своими крепкими крыльями и поднялась за голубкой. Она летала! Так же

легко и свободно, как белая голубка. Сделав несколько кругов, две птицы вернулись на крышу.

– Ты молодчина! – с одобрением сказала белая голубка. – Никогда бы не поверила, что курицы могут так хорошо летать, если бы сама не увидела это.

Курочка не вернулась больше на свой двор. Она поселилась на высоком дереве неподалёку от голубятни, где жила белая голубка. С ней они частенько летали и к дальнему лесу, и на большое озеро, и на скошенные луга клевать пшеницу.

Цыплёнок, как ему ни хотелось, всё же стал курицей, но необыкновенной. Он научился летать так же красиво и высоко, как голуби. Хотя это далось ему очень нелегко. Если не покладая крылышек трудиться над своей мечтой, то случается самое невероятное.

ИГРЫ ДЛЯ ОДНОГО ЁЖИКА

– Не буду с вами играть! – крикнул ёжик Ерошка Тёпке и Тимошке. – Как побеждать, так всегда вам, а как проигрывать, так мне.

Ёжик повернулся и пошёл на свою клеверную полянку, где он всегда грустил. «В прятки я три раза всех искал, в там-сям ни разу не выиграл. На речке только один «блинчик» получился. А у этого Тёпки – пять и три у Тимошки. Ещё смеются надо мной: «Неумеха – всем потеха!» Тоже мне, друзья называются!» – с обидой думал ёжик о своих неудачах.

Он рассерженно пнул попавшую под ноги кочку. Но кочка оказалась осиным гнездом. Из него тотчас же вылетел рой ос и со злым жужжанием набросился на Ерошку. Ёжик едва успел свернуться клубочком. Одна оса всё же ужалила его за нос. Бедный Ерошка взвизгнул от боли и закатился под широкий лист. Там он долго лежал, поджидая, пока все осы разлетятся. Когда жужжание смолкло, Ерошка осторожно выбрался из-под листа и побрёл на клеверную полянку. Настроение у ёжика совсем испортилось. Ужаленный нос распух и болел.

На полянке он сел на пенёк и стал грустить.

– Вот придумаю сейчас какую-нибудь игру, буду один в неё играть и всегда побеждать в ней, – решил Ерошка. – Вот! Придумал! – Ёжик даже подскочил на пенёчке от радости. – Если подпрыгну десять раз на одной лапке, то я выиграл.

Он легко подпрыгнул десять раз на одной лапке.

– Теперь на другой.

Ерошка для верности попрыгал десять раз и на другой лапке.

– Вот я и выиграл! – крикнул он в сторону, где по его предположениям были сейчас Тимошка и Тёпка, и снова уселся на пенёк.

Но радость как-то быстро улетучилась, и Ерошка решил придумать ещё какую-нибудь игру, в которой он победит.

– Если я быстро обойду десять раз вокруг этого пенёка, то я выиграл, – придумал он вторую игру.

Ёжик оббежал десять раз вокруг пенёка.

– Выиграл, – сказал сам себе ёжик без всякого удовольствия.

– Если я спрыгну с пенёка десять раз, то я выиграл, – придумал он третью игру.

Ерошка десять раз залез на пенёк, десять раз спрыгнул с него и понял, что ничего интересного в этой игре нет.

– Какую бы игру придумать? – ёжик подпёр мордочку лапкой. – Если я, если я соберу десять шишек, то я выиграл, – придумал он четвертую игру.

«А что их собирать? – разочарованно подумал ёжик. – Вон их сколько под сосной валяется. Это какая-то неинтересная игра». – И Ерошка не стал собирать шишки.

«Надо придумать интересную игру», – Ерошка глубоко задумался, но в голову больше не приходили никакие игры.

– Получается одна плохость, – вздохнул ёжик. – То есть плохота, – тут же поправил он себя. – Плохота или плохость? Ну, в общем, плохизна, – махнул рукой Ерошка и снова загрустил.

В это время из норы вылезла старая барсучиха. Она решила погреться на солнышке и заодно довязать кружевной чепчик для своей внучки. Цзинь-цзинь – звенели её спицы, поблёскивая в солнечных лучах.

– Может, вы знаете игру для одного маленького ёжика? Но только чтобы он всегда в ней побеждал, – с надеждой спросил он барсучиху.

Барсучиха задумалась:

– Нет, малыш, что-то я не припомню такой игры.

Ёжик выглядел совсем невесёлым. Она сказала ему:

– Знаешь, когда-то я была такой же маленькой, как ты...

Ёжик с сомнением посмотрел на старую барсучиху и не поверил ей.

– И если мне было очень грустно, – продолжала та, – я покупала себе шоколадку, съедала её целиком, и это мне помогало.

– А разве в древности были шоколадки? – с удивлением спросил он.

– Да, и очень вкусные. Это во-первых. Моё детство пришлось не на такую уж древность, это тоже во-первых, – сухо заметила она.

Но ёжик точно знал, что до его появления мир пребывал в самой дремучей древности.

– Наверное, в древности были такие шоколадки, которые помогали от грусти, – предположил он. – Нынешние не помогают, я уже сколько раз пробовал.

– Попробуй гоголь-моголь, – посоветовала барсучиха. – Одно яйцо, три чайных ложечки сахара, несколько капель лимонного сока и чуть-чуть ванили.

– Это же еда, она помогает от голода, а не от грусти, – вздохнул ёжик.

– Но еда помогает пережить грусть, – настаивала старая барсучиха, – уж я-то знаю.

Их разговор слышала ящерица, которая тоже грелась неподалёку на солнышке.

– Малыш прав, еда здесь ни при чём, – сказала она. – Когда мне становится совсем грустно, я отправляюсь к реке, смотрю на своё отражение и говорю ему: «Привет, ты неплохо выглядишь, может, улыбнёшься мне?».

– А если вы плохо выглядите? – бесхитростно спросил Ерошка.

– Это неважно, – ящерица мотнула маленькой головкой. – Я заставляю себя улыбнуться, и моё отражение улыбается мне. Мы болтаем о том о сём.

– И получается игра для одной ящерицы? – оживился ёжик.

– Ну да, игра, – неуверенно согласилась ящерица.

– Наверное, она подойдёт и для одного ёжика! – обрадовался он.

Ерошка тут же побежал к реке, наклонился к воде и с теплотой сказал своему отражению:

– Привет, Ерошка, ты неплохо... – тут он осёкся, потому что на самом деле выглядел скверно.

Его прежде чудесный остренький носик опух, расплылся, и Ерошка стал похож на небольшого колючего гиппопотама.

– Кажется, ящерица сказала, что можно выглядеть и плохо, главное, улыбнуться себе.

Ерошка так и сделал.

– Давай поболтаем о том о сём, – предложил он своему опухшему отражению. – Ты, например, во что любишь играть?

– Я люблю играть в прятки, – ответил он за отражение.

– А ты? – спросило отражение Ерошкиным голосом.

82

– Я тоже люблю играть в прятки, – ответил ёжик.

– Может, поиграем?

– Давай.

Ерошка бросил камешек в отражение – оно исчезло.

– Вот ты и спрятался, – сказал Ерошка.

Когда рябь улеглась, отражение снова появилось.

– Вот и нашёлся, – обрадовался ёжик. – Теперь я буду прятаться.

После этих слов настроение у Ерошки снова испортилось. Он понял, что игра закончилась, потому что отражение в воде не сможет его исцелить.

– А знаешь что, – сказал он своему отражению, – ты очень плохо выглядишь! У тебя нос, как у гипотопы... гипотопы... гипототы... Как у черпахи! – выкрикнул наконец ёжик. – И играть с тобой неинтересно!

Он запустил камень в своё отражение и пошёл прочь от реки.

Неподалёку он увидел садик, в котором играла девочка.

Ерошка просунул мордочку между прутьев ограды и стал наблюдать.

На траве перед девочкой сидела дюжина кукол.

– Сейчас мы будем играть в школу, – сказала она своим куклам.

«Вот играет же человек один, и у него хорошо получается», – с завистью подумал ёжик.

Он пробрался через ограду, подошёл к девочке и спросил:

– Может, ты придумаешь игру для одного ёжика?

Девочка с удивлением посмотрела на Ерошку.

– Придумай игру для одного ёжика, – снова попросил он.

– Я могу придумать игру даже для десяти ёжиков, – уверенно ответила девочка.

– Нет-нет, мне нужно только для одного.

– Давай я сначала придумаю игру для ёжика и для девочки Люси.

Ерошка подумал и согласился.

– Но только, чтобы ёжик в ней выиграл, – поставил он своё условие.

– А девочка Люся, значит, проиграла?

– Да, – бесхитростно признался Ерошка.

– А если я придумаю игру, где никто не будет проигрывать и побеждать, ты будешь со мной играть? – спросила девочка.

– А разве это интересно? – удивился ёжик.

– Очень интересно. Вот, например, мы будем играть в больницу. Ты как будто пришёл ко мне лечиться.

Люся повязала белую косынку, взяла дудочку.

– Здравствуйте, больной, что у вас болит? – спросила она у ёжика взрослым голосом.

– У меня болит нос, – честно сказал Ерошка.

– Так, слушаем вас. – Люся приложила дудочку к Ерошкиному животу.

– Щекотно! – захихикал тот.

– Так, хорошо. – Люся невозмутимо продолжала осмотр. – Теперь постукаем вас.

Девочка постучала пальчиками по животу. Ерошка не удержался и прыснул.

– Ой, ой! Щекотно! – смеялся он.

– Больной, не смейтесь, – строго предупредила Люся. – Посмотрите вверх.

Ёжик посмотрел вверх.

– Теперь вниз. Налево. Направо.

Ерошка посмотрел так, как просила Люся.

– Ну что ж, теперь понятно, что у вас болит нос, – сказала Люся. – Надо делать примочки.

– А это не больно? – забеспокоился ёжик.

– Нисколько, – успокоила его девочка.

Она уложила Ерошку в постель, накрыла его шарфом, потом намочила тряпочку лекарством и положила её на распухший нос ёжика.

– Лежите, больной, а я пока приготовлю для вас обед. На первое будет хлеб, а на второе – молоко.

– А на третье? – не удержался ёжик.

– На третье – хлеб с молоком, – Люся весело улыбнулась и убежала в дом.

Ерошка лежал под тёплым шарфом на мягкой постели, с примочкой на носу, блаженно прикрыв глаза. Неподалёку сидела дюжина кукол. Они с сочувствием, как казалось ёжику, смотрели на него разноцветными глазами. Над ним шелестела зелёная листва, весело щebetали птички.

Люся накормила больного вкусным белым хлебом, напоила тёплым молоком. Потом снова послушала его дудочкой.

– Скоро вы будете совсем здоровы, – объявила она.

Ерошка и вправду почувствовал, что боль начала утихать.

«А всё-таки хорошая это игра для одного ёжика и одной девочки Люси», – думал счастливый ёжик, нежась под пушистым полосатым шарфом.